

Утро первого января выдалось ранним.

Кто-то раздвинул шторы в спальне, и яркие лучи новорожденного солнца ударили в лицо. Бай Ичэнь открыл глаза, щурясь от белесого марева, и, пока мир вокруг еще оставался расплывчатым, почувствовал прикосновение теплых губ. В нос ударил знакомый, бесконечно родной запах.

— Старший брат Ань! — Бай Ичэнь радостно вскинул руки, крепко обнимая Ань Но за шею. — Ты вернулся!

— С добрым утром, — голос Ань Но звучал хрипло, в нем явственно читалось желание. — Я вернулся. И... Ся Цзинхуэя и остальных нет дома.

— Хорошо, — Бай Ичэнь уткнулся лицом в изгиб его шеи и прикрыл глаза.

Страсть после долгой разлуки заставила землю уйти из-под ног. Когда Бай Ичэнь снова открыл глаза, солнце уже стояло в зените, а стрелки часов на прикроватной тумбочке перевалили за полдень.

— Старший брат Ань, — позвал Бай Ичэнь. Он только что плакал, поэтому голос звучал глухо, в нос. — Ты не мог бы сходить со мной днем к А-по?

Ань Но посмотрел на покрасневшие глаза возлюбленного и укорил себя за несдержанность — все-таки он зашел слишком далеко, раз паренек под конец расплакался. Переполненный нежностью и раскаянием, он готов был исполнить любую просьбу, не говоря уже о таком пустяке, как визит к старушке.

И вот, когда Бай Ичэнь подвел Ань Но к А-по и торжественно объявил: «А-по, это Ань Но, ты его уже видела. Я собираюсь прожить с ним всю жизнь!» — до него вдруг дошло. Это же... официальное знакомство с семьей!

Правда, представление А-по о том, как именно «проживают всю жизнь», несколько отличалось от того, что имел в виду Бай Ичэнь. Поэтому старушка лишь радостно взяла Ань Но за руку и принялась наставлять: «заботься о Сяо Бае», «помоги ему найти хорошую девушку», «пусть у него будет счастливая семья».

Ань Но с честностью, достойной офицера полиции, дал обещание «заботиться» о Бай Ичэне до конца своих дней.

— А-по, а если любимый человек Сяо Бая не будет уметь готовить, это ничего? — вкрадчиво спросил он.

— Как это — не уметь? — старушка явно осталась недовольна.

— Не страшно, А-по! Я сам умею, я очень вкусно готовлю! — поспешно вставил Бай Ичэнь.

— Вот! — веско кивнул Ань Но. — Сяо Бай готовит, но я обещаю, что всю остальную работу по дому его любимый человек возьмет на себя. Мыть посуду, стирать, убираться — всё это будет делать его пара. Пойдет?

— Ну... тогда ладно, — нехотя согласилась А-по.

— И еще, — не унимался Ань Но, — А-по, а если этот человек будет зарабатывать совсем немного?

— Конечно, это пустяки! — А-по обернулась к Бай Ичэню. — Сяо Бай, содержать дом — мужское дело. Ты должен усердно работать и обеспечивать свою жену, нельзя сидеть у нее на шее!

Бай Ичэнь пришел в полный восторг от идеи «обеспечивать жену». Он весело и гордо рассмеялся, победно взглянув на Ань Но:

— А-по, я обещаю, что заработаю кучу денег и буду «содержать жену»!

Ань Но лишь безразлично пожал плечами. Перспектива в будущем «побыть альфонсом» его совершенно не пугала — он давно с ней смирился.

Тут А-по вспомнила о самом важном:

— Точно! И вот еще что: Сяо Бай, у тебя должно быть двое детей. Сын и дочка, чтобы был полный комплект!

Ань Но почувствовал, что задача становится слишком сложной, и вопросительно посмотрел на Ичэня.

— А-по, — мягко отозвался тот. — Если дети будут — хорошо, а если нет... я кого-нибудь усыновлю.

— Как это — усыновишь?! — всполошилась старушка. — Дети должны быть своими!

— Хорошо, хорошо, — принялся успокаивать её Бай Ичэнь. — Будут у меня дети, не волнуйтесь. А-по, мне же всего восемнадцать! — Он не знал, смеяться ему или плакать: старушка заглядывала в слишком уж далекое будущее.

— Сяо Бай, — вздохнула А-по. — Ты ведь в этом году уезжаешь в университет? Я тебя теперь

долго не увижу.

— Не переживайте, — он похлопал себя по груди, давая обещание. — На зимние и летние каникулы я всегда буду возвращаться. И если выйдутся длинные выходные — тоже приеду. Обязательно, А-по!

Ань Но смотрел на храбрящегося Бай Ичэня и внезапно погрузился в раздумья.

Вечером, когда они после ужина у А-по шли домой, держась за руки под покровом темноты, Ань Но вдруг сказал:

— Сяо Бай, мне нужно уехать на несколько дней. В управлении остались дела, нужно всё закончить.

Тогда Бай Ичэнь лишь подумал, что работа Ань Но — сущая морока: бумажная волокита после дела куда утомительнее подготовки. Он и представить не мог, что это «на несколько дней» растянется почти на месяц.

В этом мире есть три профессии, которые часто становятся семейным наследием: учителя, врачи и военные с полицейскими.

Ань Но стал тем, кем стал, по двум причинам. Во-первых, и его отец, и мать служили в полиции. Во-вторых, с его юношеским задором — когда он то на крышу залезет, то полдома разнесет, — обуздать его могли только в военной академии или в университете общественной безопасности. Ань Хунъи и Сунь Цяньсю посоветовались и решили: пусть идет в полицию. Так восемнадцатилетний Ань Но был «упакован» и отправлен родителями на учебу.

По идее, когда семья занимается одним делом, многие вопросы решать проще. Проблема заключалась в том, что Ань Хунъи служил в дорожной полиции, а Сунь Цяньсю была судмедэкспертом. Хотя над обоими и сияла одна кокарда, они не работали «в поле» и многого о специфике работы сына не знали. Например, когда Ань Но внезапно исчез на год, Ань Хунъи получил от начальника управления лишь короткую фразу: «выполняет задание». Сунь Цяньсю, будучи ведущим судмедэкспертом Синъяня, оказалась куда решительнее мужа: она прямоком отправилась к начальнику домой требовать объяснений. Только тогда она узнала, в какую опасную авантюру ввязался её единственный сын.

Стоит сказать, что Ань Хунъи и Сунь Цяньсю были идеальной парой: один — мягкий снаружи, но твердый внутри, вторая — суровая с виду, но ранимая в душе. Ань Хунъи казался добродушным и покладистым человеком, но если он что-то решал, его и восьмеркой лошадей было не сдвинуть. Сунь Цяньсю же каждый день сталкивалась с местами преступлений, её нервы были крепки, как стальные тросы, а крутой нрав принес ей прозвище «Сунь Эрнянь».

Ань Но с детства боялся своего отца, этого «улыбчивого тигра», куда больше, чем мать, «Холодный лик Ракшаса».

В те выходные у Ань Хунъи выпал выходной, а у Сунь Цяньсю как раз не было дел, и она всю изображала добродетельную жену. Ань Но, закончив с последними формальностями и сдав все архивы под замок, без предупреждения рванул в Синъань. Когда он перед ужином постучал в дверь родного дома, его всё ещё прекрасная мать подпрыгнула от неожиданности.

— Ань-цзы! Ты... как ты здесь оказался? — она тут же втащила сына в дом.

— Мам... неужели ты мне не рада? Совсем меня не ждали? — Ань Но театрально изобразил готовность расплакаться.

В это время Ань Хунъи как раз наливал в маленькую рюмку свои ежедневные пятнадцать граммов водки. Увидев сына, он замер и пролил всё прямо на стол. Супруги смотрели на «пропавшего» на год сына со смешанными чувствами, наперебой спрашивая, как прошло задание и всё ли теперь в порядке.

Ань Но пустил в ход всё свое обаяние, чтобы успокоить родителей, а затем начал неспешно рассказывать о прожитом годе. Он говорил о том, как тяжело было под прикрытием, как он едва не сломался. Рассказывал о моментах, когда жизнь висела на волоске, и намеренно показал шрамы от пуль. Сунь Цяньсю, профессионал до мозга костей, увидев три пулевых отметины на теле сына, не выдержала и разрыдалась. Это был не просто риск — это была смерть, прошедшая в миллиметре.

Ань Но обнял плачущую мать.

— Мам, теперь я понимаю, почему у меня раньше не ладилось с девушками. Вряд ли я найду женщину, готовую прожить со мной всю жизнь. Кому захочется каждую минуту быть готовой к статусу вдовы?

— Глупости! — сквозь слезы отрезала мать. — По твоей логике, все полицейские должны быть холостяками.

— Мам, я не об этом, — Ань Но на мгновение задумался. — Вот скажи честно, если отмотать тридцать лет назад, ты бы вышла замуж за такого, как я?

Сунь Цяньсю замялась:

— Но ведь всё равно находится много девушек, готовых на это.

— Да, но не факт, что я их встречу.

Мать замолчала. Ань Хунъи вмешался:

— Сынок, мы с матерью тебя не торопим. Ищи спокойно, не впадай в отчаяние.

Ань Но помедлил, а потом добавил:

— Кстати, папа, знаешь, что самое мучительное в жизни под прикрытием? Не страх. Одиночество... То самое чувство, когда вокруг одни враги и нет ни одного друга. Безнадежное одиночество.

Отец перебил его:

— Давай без этого пафоса, сын. Кого ты пытаешься разжалобить этими книжными фразами?

Ань Но взъерошил волосы и смущенно улыбнулся:

— Я к тому, что под прикрытием я был никем — бандитом, подонком, наркоторговцем. Без денег, без власти, без статуса. И я думал: будь я таким на самом деле, у меня бы и близкого друга никогда не появилось. Но если бы нашелся человек, который всем сердцем полюбил бы меня именно такого... Кто захотел бы «спасти» меня, вернуть на правильный путь. Кто, даже зная, что я торговал наркотиками или убивал, всё равно считал бы меня лучшим человеком в мире...

Ань Но покосился на родителей. В их глазах читалась глубокая тревога. Он набрался смелости и продолжил:

— Если бы такой человек существовал, я бы с радостью прожил с ним всю жизнь.

— Ань-цзы... ты уверен, что не пересмотрел сериалов? — мать заподозрила, что у сына после задания не всё ладно с головой.

— Мам! — недовольно воскликнул Ань Но. — Я серьезно! Вы верите, что такие люди бывают?

Ань Хунъи многозначительно усмехнулся и жестом попросил жену не кипятиться.

— Сын, скажи отцу честно. Та, на кого ты положил глаз... она ведь не из преступного мира? Не любовница какого-нибудь босса триады?

У Ань Но по спине пробежал холодок. Вот за это он и боялся отца: старик видел людей насквозь, бил в самую цель, и от его вопросов было не укрыться.

— Нет! — Ань Но вскинул руку, словно давая присягу. — Категорически нет! Это... студент, учится на архитектора, на магистратуру идет!

Глаза Сунь Цяньсю мгновенно засияли. Она вцепилась в руку сына, засыпая вопросами, готовая хоть сейчас бежать с подарками свататься. Ань Хунъи похлопал жену по руке:

— Дорогая, спокойствие! Если бы всё было так просто, наш сын не стал бы ходить вокруг да около, расписывая, какой это замечательный человек и как сильно он его любит.

Ань Хунъи уставил на сына суровый, пронзительный взгляд, от которого Ань Но невольно захотелось стать меньше ростом.

— Сын! Колись. Живо.

Бай Ичэнь последние дни был вне себя от ярости.

Следствие закончилось, он думал, что Ань Но, освободившись от изоляции, тут же вернется. Но прошел Новый год — Ань Но лишь разок показался и снова исчез. Минула неделя, наступил конец января, а того и след простыл. На каждый звонок он отвечал какими-то туманными отговорками. Бай Ичэнь порывался сам поехать к нему, но Ань Но всегда находил причины для отказа. В конце концов паренек просто обиделся.

Юй Дай сидел в гостиной, азартно рубясь в DOTA. Бай Ичэнь со скучающим видом забился в угол дивана с ноутбуком. Юй Дай в перерыве между раундами обернулся: брови парня сошлись на переносице так плотно, что образовали мертвый узел. Бросив клавиатуру, Юй Дай плюхнулся рядом.

— О чем грустим?

— Ни о чем!

— Ну-ну, Сяо Бай, признайся брату — неужели тоска по любимому так горька? — Юй Дай игриво толкнул его в плечо.

— Терпимо. Уж точно лучше, чем созерцать твою физиономию! — гнев Бай Ичэня наконец нашел выход.

Юй Дай подскочил с дивана, но не успел начать перепалку: из кабинета выскочил Ся Цзинхуэй и уволок своего «ершистого кота» прочь. Он искренне не понимал, почему Юй Дай, вечно проигрывая в словесных баталиях, всё равно обожает задирать Бай Ичэня.

Оставив Юй Дая в кабинете, Ся Цзинхуэй вернулся в гостиную. Бай Ичэнь отрешенно смотрел в окно.

— Не накручивай себя и не волнуйся, — мягко сказал Ся Цзинхуэй. — У Ань Но действительно дела.

— Да пусть делает что хочет, мне-то какое дело! — буркнул Ичэнь.

Ся Цзинхуэй усмехнулся:

— Он не «что попало» делает. Он уехал на родину оформлять документы.

— Какие еще документы? — Бай Ичэнь мгновенно оживился, отбросил ноутбук и подскочил к Ся Цзинхуэю. — О переводе в провинциальное управление?

— Да, — Ся помедлил. — После такого дела Ань Но не может оставаться в городском управлении. Провинциальное управление положило на него глаз, его забирают на повышение.

— Как здорово! — искренне выдохнул Бай Ичэнь.

— Кстати, Бай Ичэнь, — вкрадчиво спросил Ся Цзинхуэй. — У Ань Но сейчас есть выбор. Он может пойти в уголовный розыск провинциального управления, а может — в любой городской отдел. Как думаешь, что ему выбрать?

— М-м... а где труднее?

— Везде несладко. В провинциальном управлении дел меньше, чем в городе, но зато каждое — из ряда вон выходящее.

— А где быстрее карьерный рост?

— В Провинциальном управлении. Там сложнее пробиться, но перспективы и связи совсем другие.

— Ся Цзинхуэй, а как ты думаешь, где Ань Но будет лучше?

— В провинции.

— Значит, пусть идет в Провинциальное управление! — Бай Ичэнь, казалось, разрешил для себя важную дилемму. Он с облегчением выдохнул и повторил: — Пусть идет в Провинциальное управление.

Ся Цзинхуэй искренне улыбнулся.

— Но на этой службе много не заработаешь.

— В будущем я буду зарабатывать много!

— В Провинциальном управлении вечные переработки, Ань Но будет постоянно занят.

— Это же нормально. Полицейские всегда заняты, я знаю.

— И еще... Провинциальное управление находится в Синъане. Его дом там. А тебе предстоит семь лет учиться в городе Н, — серьезно заметил Ся Цзинхуэй. — Бай Ичэнь, ты думал, как вы проживете эти семь лет?

Бай Ичэнь замолчал. В его глазах промелькнуло разочарование.

— Честно говоря, сначала я всё распланировал. Думал, будет идеально. Но тогда я не знал, что Ань Но — полицейский. А теперь... теперь я уже ни в чем не уверен.

Он вздохнул.

— Но я думаю, если он меня действительно любит, неважно, где мы будем жить. У меня есть каникулы, Синъань не так далеко от города Н, на выходных можно ездить на скоростном поезде... Семь лет. Думаю, мы справимся. А после диплома... я перееду в Синъань!

— А ты не думал попросить его перевестись в управление города Н? У него есть такая возможность.

— Но ты же сам сказал, что для него лучше — провинция! — Бай Ичэнь серьезно посмотрел на Ся Цзинхуэя. — Он должен быть там, где ему место. Какой смысл ему торчать со мной в городе Н? Ни связей, ни знакомых...

Ся Цзинхуэй промолчал, лишь тепло улыбнулся. Он был несказанно рад за друга.

— Бай Ичэнь, Ань Но уехал домой, чтобы подать заявление о переводе в управление общественной безопасности города Н. Заявление уже одобрено, приказ придет на днях.

Родители Ань Но «пытали» сына разговорами целую неделю. У людей, долго работающих в полиции, есть один плюс: железобетонная психика. Маньяки, извращенцы — они видели

всякое. Психологическая выносливость Сунь Цяньсю была куда выше, чем у мужа, но у Ань Хунъи была своя добродетель — он всегда слушал жену. Если Сунь Цяньсю давала добро, он не спорил. Всю эту неделю Ань Но вел массированную атаку на свою «прекрасную маму».

Бай Ичэнь очень сильный.

Бай Ичэнь удивительно добрый.

Бай Ичэнь спасал меня. Много раз!

Он знал, что я — бандит и торговец смертью, но всё равно любил и спасал меня, не раздумывая!

Он потрясающе ведет хозяйство.

Он так усердно учится, что мне становится стыдно за себя.

Он талантливый архитектор, у него блестящее будущее, но ради твоего сына он готов стать «неправильным» в глазах общества. Твой сын в долгу перед ним на всю жизнь.

Бай Ичэнь станет элитой общества, а твой сын, скорее всего, будет «сидеть у него на шее».

Он умеет ладить с людьми, его все любят. То, что он выбрал твоего сына — это просто чудо.

...В общем, ваш сын больше никогда от него не уйдет — ни по любви, ни по совести. Решайте сами!

«Холодный лик Ракшаса» в итоге оказалась лишь маской — мягкое материнское сердце сдалось под напором сына и его «сокровища». Вдвоем они принялись обрабатывать отца. Ань Хунъи долго слушал, а потом задал всего три вопроса:

— Бай Ичэнь с детства был лишен любви. Ты уверен, что он испытывает к тебе именно любовь, а не ищет в тебе старшего родственника?

— Ему всего восемнадцать. Он слишком юн. Как долго продлится его чувство?

— Ты — полицейский, госслужащий. Твоя ориентация создаст тебе огромные проблемы. Ты готов к этому?

Ань Но ответил с улыбкой:

— Первые два вопроса — к нему, не ко мне. В любом случае, я его люблю. А что до последнего... я могу снять форму, но уйти от него — никогда.

В конце января в воздухе уже пахло весной, а на улицах повсюду гремела песня Лю Дэгуа «Поздравляю с богатством». В доме Ся началась масштабная подготовка к празднику. Бай Ичэнь посмотрел на горы продуктов, закупленных Ся Цзинхуэем, — их хватило бы человек на восемь.

— Ся Цзинхуэй, нас же всего четверо вместе с Ань Но, зачем столько?

Ся Цзинхуэй усмехнулся:

— Считаю это шансом проявить свои кулинарные таланты!

Бай Ичэнь проворчал что-то о «эксплуатации детского труда», на что Юй Дай многозначительно заметил:

— погоди, скоро ты сам будешь рваться в бой на кухне!

— Я же не мазохист, — фыркнул Бай Ичэнь.

Двадцать третий день двенадцатого месяца. Праздник малого Нового года.

Бай Ичэнь проснулся от настойчивого стука в дверь. Он долго валялся, надеясь, что кто-нибудь другой откроет, но в доме было тихо. Пришлось вылезать из теплой постели. С «вороньим гнездом» на голове, в огромной хлопковой пижаме Ань Но, которая сползла, открывая шею и четкую линию ключиц, он дошлепал в тапочках до двери. Сонный, злой, он рванул за ручку.

На пороге стоял Ань Но.

Безупречно сидящая зимняя форма темно-синего цвета. Четкая линия плеч, приталенный китель — всё подчеркивало его статную фигуру. От него веяло торжественностью и строгостью. Козырек фуражки едва касался бровей, а из-под него смотрели яркие, острые глаза — как у притаившегося леопарда, всегда подмечал Бай Ичэнь. Сверкнула серебром кокарда, на погонах холодно блеснули по три четырехконечные звезды.

Бай Ичэнь замер. Ань Но в форме был запредельно, невыносимо красив. Парень приоткрыл рот, едва не пуская слюну, — он впервые видел его таким.

— Здравствуй. Давай познакомимся заново. Меня зовут Ань Но, мужчина, 25 лет. Инспектор полиции первого класса, капитан группы уголовного розыска управления общественной безопасности города Н. С этой минуты и навсегда — я твой спутник жизни.

Бай Ичэнь окончательно лишился дара речи. Ань Но едва заметно улыбнулся и отступил на шаг в сторону, указывая на двух полицейских, стоявших на лестничной площадке в такой же безупречной зимней форме.

— А это — мои родители.

Конец

<http://bllate.org/book/18167/1815231>